

ДМИТРИЙ
ОВСЯННИКОВ

МЯТЕЖНИКИ
ЗВЁЗДНОГО
ОСТРОВА

Москва · Издательство «Обложка» · 2023

Пролог

Знак Королевской Сотни

Огромная луна, с вечера налитая червонным золотом, за ночь истаяла, обернувшись блеклой нищенской монеткой. Предрассветное небо уже сделалось светлым на востоке, и тем чернее казались живые изгороди, высокие силуэты кипарисов и постройки, мелькавшие по обе стороны тракта. Безветренную тишину разрывал стук копыт — по каменистой дороге стремглав летело семеро всадников. Нет, всадников было шестеро и один конь без седока в придачу.

...Нас спугнули, не дали развернуться. Ночной налет принес нам... Много! Даже слишком много. Кроме бочонков вина, мешков снеди, туго набитых кошель, мы везли пронзенного копьем Хуана. Когда мы домчались до дома и спешили возле коновязи, он уже не дышал...

Трое наших, оставшихся в ту ночь нести караул, выбежали навстречу. Им и без разговоров стало ясно, что что-то пошло не так. Хуана — его, еще живого, я вез, посадив впереди себя, — внесли в дом и уложили на лавку.

— Лекаря? — спросил кто-то.

— Пустые хлопоты, он умер. — Десятник дон Рикардо вынул кинжал и поднес клинок плашмя к губам Хуана. Полированная сталь не затуманилась.

Вздыхнув, дон Рикардо накрыл тело плащом. Затем молча подошел к столу и вышиб дно у только что добытого бочонка.

— Несите кружки, — сухо приказал он. — Помянем.

Мы выпили — молча, стоя, не чокаясь. Хором пропели поминальную песнь и затихли...

— Как глупо... — произнес я, стараясь не подать вида, что в горле встал ком. Не вышло — голос предательски задрожал.

— Дон Хуан был рыцарем, — тихо ответил десятник, глядя в стол. — И пал в бою. Как подобает...

* * *

Служба в Королевской Сотне считается самой почетной среди всех войск Острова. Возглавляет ее сам король, и каждый рыцарь с гордостью носит на нашивках, плаще и щите символ королевского дома. Принимают в Сотню не всех — этой чести достойны только отпрыски дворянских семей. Все как один — рыцари, младшие сыновья в роду, не унаследовавшие отцовских земель по старшинству.

О рыцарях Королевской Сотни говорят высокопарно, но лишь при дворе короля, да, быть может, среди мальчишек, играющих с деревянными мечами. Славно вышагивать строем на Дворцовой площади, когда ветер полощет знамена и серебряными голосами вторят ему трубы, славно с мечом наголо охранять дворец его величества или городскую ратушу. Но любому понятно, что этой красотой не рассчитаешься с трактирщиком, портным или ору-

жейником, ее не поднесешь в свадебный дар полюбившейся донье.

Все дело в том, что мы приставлены к государю ради приличия — любой король смотрится голым без собственной гвардии. Его величество привык опираться на своих генуэзских наемников, но пресловутая Сотня досталась ему в наследство заодно с короной, престолом и мантией, и ее, равно как и прочие символы власти, нельзя выбросить. Однако можно упрятать подальше и хорошо бы разделить по частям. Поэтому половина Сотни постоянно стоит в столице на страже дворца его величества, прочие посменно несут службу в пяти уделах Острова — по десятку на каждый.

Рыцарям Сотни полагается денежное жалование, но такое маленькое, что говорить совестно. Пару дней в месяц все мы — разудалые пьяницы, а в оставшееся время приходится беречь каждый медяк. Самое странное заключается в том, что большую часть Сотни такая жизнь устраивает.

Но любой дворянин заскрипит зубами, когда пузатый трактирщик с самым печальным видом плеснет ему кислого винца да бросит в миску, словно подаяние, половник пресной чечевицы (этим кушаньем на Острове обыкновенно давятся крестьяне). И стоит только королевскому рыцарю выйти за дверь, как городская чернь в трактире грянет издевательские куплеты о его пустом кошельке. В лицо смеяться опасаются — мечи идальго все же острее длинных языков. И это не удел младших, недавно присягнувших государю, — старые рыцари

— Я подумал про чинкуэду. Тот самый недомеч-перекинжал, с которым таскается полгорода. Ширина клинка у основания — как раз пять пальцев.

— Весь город, — поправил Пабло, — кроме женщин и детей.

— Любимая игрушка простонародья, хотя пошла от дворян. Те, забавляясь, подражали древним воинам. Для войны чинкуэда не годится. Длинный меч либо дага не в пример лучше.

— Жалеешь, что оставил меч дома? — усмехнулся Пабло.

— Жалею! — признался кабальеро.

— Все не навоюешься?

— Так не я один!

— Только здесь не начинай! Все войны на Материке. Ты сам говорил, что для тебя они закончились!

Двадцать лет назад пикинер Пабло Вальехо, чудом оправившись от тяжелой раны, оставил военную службу и осел в Южном уделе, занявшись земледелием. Со временем он завел семью и, как говаривали в тех местах, укоренился. Спокойная жизнь вошла в привычку, былая тяга к неизведанному миру за пределами Острова тревожила лишь изредка. Мир как-то сам собой уместился в нескольких милях от фермы до города Эль Мадеро.

Однажды по соседству поселился человек из-за пределов знакомого мира — дворянин дон Карлос. Пабло не удивился, когда воин с Дальних земель его величества попросил обучить его земледелию, — некогда он сам сменил меч на соху. Соседи немало времени провели вместе и вскоре подружились.

Правда, Пабло хотелось узнать побольше о жизни на Материке, а дон Карлос, как назло, оказался неразговорчивым. Он больше слушал, а если говорил о дальних краях, то скоро упирался в военное дело. Тогда кабальеро обыкновенно хмурился и замолкал.

Осенью, убрав урожай, друзья собрались в город — продать часть зерна на Осеннем торге. Заодно Пабло хотел показать дону Карлосу Эль Мадеро.

— Я видел его десять лет назад, — отмахнулся было кабальеро, но от поездки не отказался.

* * *

Пустоши сменяются полями и огородами, садами и виноградниками, за ними тесно стоят подворья, большей частью ветхие. Приезжему может показаться, что перед ним очередная деревня, но дорога идет все дальше, а дома и заборы не кончаются. На смену подворьям приходят двухэтажные дома, нависающие над узкой улицей с двух сторон, ноги пешеходов и подковы лошадей местами встречают щербатое подобие мостовой. Улицы выстраиваются в привычный городской порядок — начинают тянуться к главной площади, сжимая в ряды дома, которые без того, кажется, готовы разбежаться во все стороны, как упущенные нерадивым пастухом овцы. Здесь же у придорожного столба, надпись на котором поблекла и пошла трещинами, скучают два альгвазила.

Полновластным хозяином смотрится городская ратуша, пожалуй, даже слишком большая

«Драка!» — радостно завопили на другом конце зала. В следующие минуты все, кто был в таверне, вскочили с мест. Ужин обернулся побоищем.

Прав был Алонсо — недовольство уже давно заразило всех, прав был дон Карлос — не у него одного чесались руки. Половина посетителей таверны мгновенно нашла себе противников из числа другой половины, с улицы вбежало еще с полдюжины махос, проходивших мимо. В орущем хаосе среди бьющейся посуды, летящих кувырком табуретов, опрокинутых столов и катающихся по полу тел кабальеро фехтовал на кинжалах с предводителем махос. Тот на удивление ловко управлялся со своей неуклюжей чинкуэдой. Рыцарю, десять лет проведенному в битвах, стоило немалого труда уклоняться от его частых размашистых ударов. К тому же бандит намотал плащ на левую руку и защищался им на манер щита, норовя ослепить противника, захлестнув ему голову.

В тот миг, когда дон Карлос сумел поймать уколлом правое плечо своего врага и клинок даги упруго вздрогнул, упершись в кость, в дверном проеме засверкали шлемы альгвазилов. Что-то тяжелое обрушилось на затылок кабальеро, и таверна «Пять пальцев» со всеми, кто решил в тот вечер сжать кулаки, перевернулась перед его глазами и рухнула в темноту.

Глава 3

Жизнь наперекор

— Карамба! — Дон Карлос разомкнул веки. Светлее от этого почти не сделалось — полумрак едва разгонял огонек какого-то огарка.

— Тише, тише, сеньор. — Пабло присел рядом, поднес ко рту кабальеро плошку с водой. Тот, привстав, поднял руку, взял посудину и одним духом влил в себя жидкость. Затем повел по сторонам тяжелым взглядом в поисках добавки. Старого солдата не удивил вид дворянина, хлещущего простую воду, — «Пламя Юга», с вечера разгоревшееся в нутре у человека, за ночь поднимается до самого горла. А заливать пламя лучше водой, будь ты хоть трижды благородным сеньором.

— Карамба! — повторил дон Карлос.

Вторую плошку он выпил наполовину, остаток вылил себе на голову. Струйки, бегущие по лицу, не уняли тупой боли, но дали понять, что человек все еще на земле. Значит, блаженные владения Отца Небесного по-прежнему не спешат принимать его. На макушке идадьго нащупал внушительных размеров шишку.

— Где мы? — спросил рыцарь.

— В городской тюрьме, — угрюмо ответил Пабло. — Тут и ночевали.

— Чем обязаны их гостеприимству?

— Не помнишь?

с убитых во дворе разбойников. — Вот во что превращаются жители наших городов! Они не хотят мирного труда — зачем, если из десяти монет пять заберет король? Немногие отважатся на поиск лучшей доли, остальные со временем дичают, пополняя ряды махос! Сейчас они подняли бунт, громят дома и дерутся с альгвазилами и со всеми подряд. У них не осталось надежды, только бездумная ярость! И дело церкви — не давать людям звереть!

И, точно в ответ на его слова, издалека донесся удар пожарного колокола.

Глава 5

Углям не позволено остыть

Багровый, дрожащий в дыму шар солнца как будто и не уходил за горизонт — казалось, он вдребезги разбился о черную кромку дальних гор и осыпался на город тысячами раскаленных трепещущих осколков. Эль Мадеро охватило пламя множества пожаров.

В день, когда в городе вспыхнул бунт, люди дали волю гневу. Стихийная ярость носилась повсюду, подобно смерчу. Она требовала лишь уничтожения, мести всему, что угнетало людей долгие годы. Она упивалась огнем — и сама извергала огонь. Неизвестно, кто высек первую искру, но к полуночи единственным владыкой Эль Мадеро сделался пожар — великий, ненасытный и безжалостный.

Ничто не могло устоять перед пламенем — у каменных домов, окруженных деревянными, занимались двери, ставни и балки, у глинобитных осыпались стены, обнажая для огня деревянные каркасы. Ветер, разъярившись к вечеру, крутил и хлестал из стороны в сторону, разбрасывая повсюду горячий пепел и искры. В узких прямых улицах ветер усиливался, и пламя мчалось по ним, словно по трубам, пробираясь все дальше, охватывая все новые и новые дома.

Горели, с треском взрываясь и испуская удушливый черный дым, огромные кувшины оливкового масла; синий огонь взлетал над кладовыми, где хранились запасы «Пламени Юга». По водосточным желобам струился расплавленный металл — от чудовищного жара потекло убранство храмов и дорогая церковная утварь. Все колокола города надрывались, призывая жителей на помощь, и отчаянный звон разносился над треском и гулом пожара, воем ветра и криками людей.

Жителям города поневоле пришлось забыть о схватках друг с другом — огненный хищник напал на всех сразу, грозя пожрать всё до единой щепки и всех до последнего младенца. Торговцы, мастеровые, прибывшие на торг и застигнутые в городе пожаром крестьяне из предместий, даже бродяги и разбойники бросились тушить пожар.

На городскую стражу так и сыпались приказы — коррехидор повелевал защищать от мародеров богатые кварталы, получасом ранее посланцы алькальда примчались с приказом — атаковать толпу

- Двенадцать малых знамен, одно большое.
- Кавалерия?
- Сотня. Черные рейтары.
- Всего одна терция, — проговорил дон Карлос. — Негусто.

— Слава государю Островного Королевства, он остается верен себе, — сказал командор на военном совете. — До сих пор он скупился на милости для жителей Эль Мадеро, а ныне пожалел для них карающих сил. Из столицы на нас идет одна терция королевской пехоты и сотня кавалерии. Я ожидал вдвое больше. Они будут у Торо Bravo через три дня.

— Если их так мало, стоит ли занимать оборону? — неторопливо поднялся граф де Агилар. — Встретим их грудью, наши люди рвутся в бой!

— Бык на арене тоже рвется в бой, — спокойно ответил дон Карлос. — Но попадает под удар пики в руках всадника. Потому всадником в этом бою лучше быть нашему войску. И бык у нас — на зависть королю: на его хребте уместятся все. Королевские солдаты вооружены и обучены лучше наших, так пусть штурмуют укрепленный склон и гибнут там, где уцелеют горожане. Что бы ни стояло за спиной столичной терции, им не за что сражаться здесь. А нам есть за что. Сохраняйте ясный ум, сеньоры, и помните, что к праотцам человека отправляет не битва.

- А что же?
- Пропущенный удар.

Глава 7

Битва у Эль Мадеро

— Что с тобой, дон Гаспар? Ты хмуришься с самого начала похода!

— Ты знаешь, дон Ромеро. — Первый помощник начальника терции, уже в летах, невысокий, с седыми усами, торчащими в стороны, угрюмо смотрел под копыта своего коня. — Мне не по душе воевать с собственным народом — за морем нет числа чужакам. Я солдат, а не палач.

— Полно, мы идем не воевать. Всего лишь вразумить кучку похмельных огородников, возомнивших о себе черт знает что и уже наказанных пожаром! Достаточно будет встать строем, сверкнуть доспехами и оружием, затрубить в трубы — и это отребье разом падет на колени, моля о пощаде. Они сами приволочут на правееж зачинщиков бунта, если такие найдутся.

Офицеры в войсках Дальних земель его величества мечтают попасть в столицу. Офицеры, несущие службу в столице и ее окрестностях, по себе знают, насколько незavidна их, казалось бы, почетная доля. Кто бы ни сидел на троне — мудрец или вояка, Альвар II Справедливый или Фердинанд I Молниеносный, офицеры и солдаты всегда остаются бедными. Поэтому приказ короля о наведении порядка во взбунтовавшемся городе полковник дон Ромеро де Фероса принял с чувством пусть мрачного, но все же удовольствия.

— Вот ведь как! — Довольный Гомес в который раз оглядел вереницу повозок, тянущихся к городу. — Перебивались мы с хлеба на воду, пока его величеству зубы не показали!

— Да, не всё им забирать то, что сработано в Южном уделе! — поддержал его Вальехо. — Это и грабежом-то не назвать, сеньоры. Считаю, свое вернули.

— Если бы это поняли в Лас Агиласе, — Алонсо споро работал карандашом, страницы книги в его руках покрывались скорописью, — нам не пришлось бы воевать.

— Увы, не поймут, — нахмурился Гомес. — Что для нас — справедливость, то для двора — грабеж. И окажись вчера фортуна на стороне покойного дона Ромеро — болтаться бы нам в петлях, точно разбойникам.

— Мы не грабители, а мятежники. — Дон Карлос, помня о злоключениях своей молодости, терпеть не мог, когда его называли разбойником. — Мятеж есть преступление против короны. Дворян за такое не вешают, а обезглавливают. И лишь мечом!

Не только новые ополченцы стекались к Эль Мадеро. Четырех дней не прошло с окончания битвы, как из горных укрытий вернулись женщины и дети повстанцев.

— В горных долинах хорошо прятаться, но невозможно жить долго, господин командор, — пояснили дону Карлосу старейшины. — Зимовать большому числу людей тем паче невозможно. Иначе их бы уже давно заселили. А новые дома строить некому.

В тот вечер горожане устроили пир — люди наконец смогли отпраздновать победу. Женщины и дети радовались, находя живыми и невредимыми своих мужей и отцов, каждый мужчина приободрился, ощущая себя если не героем, то удачливым человеком точно.

Весь вечер и всю ночь шел праздник — настоящий, не чета обманчивому в своем предписанном веселье Осеннему торгу. Повсюду горели костры, люди пели и танцевали так, будто не было ни бунта и пожара, ни восстания и битвы, будто отныне и впредь никому не грозили ни нужда, ни королевская расправа. Люди радовались — искренне и беззаботно, быть может, впервые за последние годы.

Горожане и раньше верили в дона Карлоса — сейчас же они готовы были носить командора на руках. В сопровождении капитанов он переходил от костра к костру — повсюду их встречали восторженные крики и приветствия. Сам дон Карлос чувствовал умиротворение — драгоценный дар, оценить который по достоинству может лишь тот, кто полжизни провел, чередуя в своей душе предчувствие беды с яростью схватки.

У подножия холма людей собралось не меньше сотни. Там, на возвышении, посередине обширного круга, освещенного высокими кострами, пела женщина. Иногда она аккомпанировала себе на лютне, но чаще передавала инструмент в руки старика-музыканта, а сама, не прерывая пения, начинала танец.

— Остановить ее, идущую сюда незваной, можно лишь мечом!

— О да, вы прекрасно владеете мечом, — с горечью произнесла бардэсса. — Если бы меч мог защитить вас от ненасытного дракона войны, призванного вами же!

* * *

В одиночестве дон Карлос вернулся в свой шатер. От бодрого расположения духа не осталось и следа — идальго помрачнел, как не раз бывало с ним до восстания в Эль Мадеро. Он велел мочилеро принести бутыль «Пламени Юга». Проворный юноша удивился — он успел привыкнуть к тому, что командор пьет мало, — но счел за лучшее не задавать лишних вопросов. На посту командора дон Карлос и в самом деле зарекся пить, но сейчас он был готов послать к чертям собственный зарок.

Идальго не привык изливать душу людям — он считал это признаком слабости, а те вспышки беспокойства, что не поддавались рассудку, предпочитал топить в стакане. Стакан оказался мал, или слишком велико беспокойство, только утопить его не удалось.

Два стакана не разведенного водой «Пламени» не притупили чувств, а, наоборот, сделали голову ясной. Обострили память.

Ложь, разнаряженная менестрелями в пестрые словеса, быстро оставляет человека, узнавшего жизнь в деле, и дон Карлос де Альварадо не был